

Способ казался излишне топорным, но при этом действовал безотказно. Когда Ши И валился с ног от изнеможения, не в силах даже шевельнуть пальцем, а разум туманился от усталости, ему становилось не до сбоев в организме. Ему хотелось лишь одного — спать.

А после пробуждения, если эхо течки все еще давало о себе знать, он снова заставлял себя изматываться — до тех пор, пока буря не утихала окончательно.

Он раз за разом испытывал предел собственных возможностей. Изнурял себя до судорог в мышцах и нервах, лишь бы дойти до состояния полного беспамятства, когда душа словно отделяется от тела, и перестать чувствовать этот удушливый, въедливый жар.

Ши И предпочитал провалиться в бездонный сон, чем поддаться противоестественному зову, потерять контроль над собой... и лишиться достоинства.

Кое-как пережив эти выматывающие дни, он погрузился в глубокий сон. А когда наконец очнулся, то к собственному удивлению ощутил необычайную легкость во всем теле. Каждое движение, каждый шаг давались легко и непринужденно.

Словно тяжелый гнет, под которым даже простая ходьба казалась пыткой, наконец рухнул, оставив после себя лишь живительную свежесть.

И это не было самообманом — выносливость действительно возросла. Раньше во время плановых тренировок двадцать пять кругов составляли для него абсолютный предел. Сегодня же он пробежал на два круга больше, и лишь тогда в ногах появилась легкая дрожь.

Ши И отправился в кабинет Хань Вэньсюаня на диагностику. Результаты подтвердили его догадку: показатель физической выносливости поднялся с семидесяти до семидесяти пяти единиц.

Прирост не выглядел фантастическим, но Ши И едва не задохнулся от хлынувшего восторга.

Это означало только одно: его мучения не были напрасны. Усилия приносили ощутимый результат.

Пусть вторичная дифференциация в Омегу жестоко ударила по его телу, надежда восстановиться все еще теплилась — нужно лишь не опускать руки.

Он никогда не боялся боли и истощения. Ему требовался лишь крошечный шанс.

Хотя бы самый малый...

И эта новость стала лучшим, что он слышал за последнее время.

В академию Ши И отправлялся с ощутимым облегчением на душе. Однако в аудитории его встретили странные, тяжелые взгляды одноклассников.

В них смешались изумление и глухое отторжение. Студенты разглядывали его с ног до головы, словно он за ночь превратился в неведомое чудовище.

— Ты... — Лэй Но стремительно подошел к нему, собираясь что-то сказать, но из коридора донесся громкий окрик:

— Ши И! Директор вызывает тебя к себе!

Ши И недоуменно поднялся. Лэй Но успел наклониться к самому его уху и быстро шепнуть:

— Не горячись там. Веди себя посдержаннее, извинись — и все уляжется...

Он не успел договорить: связной за дверью буквально изнемогал от нетерпения, едва ли не силой торопя юношу. Ши И ничего не оставалось, кроме как проследовать за ним, хотя в голове роились смутные догадки.

Переступив порог кабинета Дин Мина, Ши И увидел переполненное помещение и сразу понял, в чем дело. В центре стоял Цзян Хэн, испепеляющий его взглядом, полным ярости и презрения.

Ши И лишь слегка прищурился. Спокойно поздоровавшись с Дин Мином, он остался стоять у двери, ни разу не удостоив обидчика даже беглым взглядом.

— Кхм... Ну что, Ши И, как твое самочувствие? — Дин Мин покашлял, пытаясь разрядить обстановку, но Цзян Хэн бесцеремонно перебил его.

— Директор! Мы собрались здесь, чтобы подать жалобу на Ши И. Он жестоко избил учащихся без всякой на то причины! Мы не стали давать ему сдачу лишь потому, что он Омега, но подобная снисходительность не должна обернуться безнаказанностью. За устраивание драки на территории академии полагается исключение! Требую дать нам внятный ответ и наказать виновного!

Глаза Цзян Хэна налились кровью, а во взгляде, устремленном на Ши И, пылала слепая ненависть.

От избытка чувств его лицо исказилось в судороге. Он схватился за голову, болезненно поморщившись.

Тогда, в баре, находившийся в беспамятстве Ши И бил наверняка, на поражение. Наносил смертельные удары.

В результате у Цзян Хэна остались тяжелые последствия — прямо в головном мозге.

Стоило ему попытаться задействовать ментальную силу или высвободить феромоны, как череп раскалывала адская боль. Любой всплеск эмоций задевал поврежденные нервы. Об учебе не могло быть и речи: ему требовалось длительное лечение без всяких гарантий на выздоровление.

Даже хирургическое вмешательство вряд ли смогло бы вернуть ему прежнюю форму.

Естественно, Цзян Хэн люто ненавидел Ши И, желая стереть его в порошок.

Стоило заговорить зачинщику, как остальные Альфы подняли гвалт. С помощью личных терминалов они вывели на стену голографические снимки своих побоев. От наложения кадров друг на друга зрелище получалось жутковатое.

Пусть в тот вечер они сами слабо соображали и не могли связно описать происходившее, записи с камер наблюдения зафиксировали все с безупречной точностью: Ши И устроил над ними односторонний погром.

Открутиться от этого было невозможно.

Такому смутьяну нельзя давать спуску лишь на том основании, что он Омега.

Ши И молча слушал этот многоголосый хор обвинений. Затем бросил один-единственный ледяной взгляд — и в кабинете мгновенно воцарилась тишина.

— Прежде чем я скажу что-либо в свою защиту, хочу кое-что вам показать, — ровным тоном произнес Ши И. Взглянув на директора, он добавил: — Раз уж господин Дин Мин здесь, это избавит меня от необходимости идти к вам отдельно.

Он подошел к столу Дин Мина и дважды легким касанием активировал браслет. Проектор на стене мигнул, и на экране появилось изображение Цзян Хэна с его развязной, самодовольной ухмылкой.

Сердце Цзян Хэна пропустило удар. Душевное смятение тут же отозвалось новой вспышкой боли в висках.

"Не хочешь пить мое вино? Значит, проявляешь неуважение. А когда меня не уважают, я огорчаюсь. Так что уйти просто так не выйдет... Хочешь ты того или нет, а пить придется!"

События той ночи, запечатленные камерой терминала с ракурса Ши И, предстали перед присутствующими во всех подробностях.

Ши И стоял в стороне, сохраняя полнейшее хладнокровие, будто все происходящее на экране его вовсе не касалось.

Почувствовав неладное еще в первые секунды той встречи, он сразу активировал запись. Он слишком хорошо знал подлую натуру Цзян Хэна и понимал: от такого человека можно ждать любой пакости.

Запись оборвалась на моменте, когда Цзян Хэн грубо силой впихнул бокал в руки Ши И. Сразу после этого на стене развернулся официальный документ с результатами лабораторного анализа.

— На моем терминале установлен новейший диагностический модуль из исследовательской лаборатории. Достаточно было микроскопической капли жидкости, чтобы данные автоматически отправились на сервер для экспресс-анализа. Вы можете сами ознакомиться с результатами. Время совпадает с точностью до секунды.

В графе заключений черным по белому значилось: в алкоголь был подмешан сильный индуктор, блокирующий действие подавителей и провоцирующий преждевременную течку, а также мощный нервно-паралитический стимулятор, вызвавший дикую агрессию и перевозбуждение.

Иными словами, вспышка безумной ярости и потеря контроля стали прямым следствием подлога.

Взгляды присутствующих, устремленные на Цзян Хэна, мгновенно изменились.

— Он врет! Я ничего... Это фальшивка! Все вранье! — Цзян Хэн схватился за раскалывающуюся голову. Глаза его налились кровью от ужаса и боли.

— Диагностический модуль и экспертное заключение предоставлены лабораторией семьи Хань. Думаю, в их авторитете никто не сомневается, — сухо добавил Ши И.

Хань Вэньсюань считался самым одаренным молодым ученым и фармакологом Империи, владел собственной клиникой, а его талантом восхищались даже старейшины Научно-исследовательского института.

— Если у кого-то остались сомнения по поводу времени, я могу запросить резервные копии с серверов лаборатории.

— Да даже если я что-то и подмешал!... — от невыносимой боли Цзян Хэн окончательно

потерял рассудок и попытался вцепиться в единственную соломинку: — Он же не выпил то вино! Не выпил... Слышите, не выпил!

Это было чистосердечное признание. Альфы посмотрели на него с еще большим отвращением, а лицо Дин Мина и вовсе потемнело.

Попытка с помощью запрещенных препаратов спровоцировать течку или одурманить Омегу считалась тяжелейшим преступлением. В условиях жестких законов по защите Омег подобный проступок гарантировал пожизненный срок, а при отягчающих обстоятельствах — смертную казнь.

Разумеется, подобные истории случались и раньше. В любом обществе хватает отбросов — будь то из низкой зависти или распаленной похоти. Однако привлечь виновника к ответственности оказывалось невероятно трудно.

К тому моменту, когда дело доходило до разбирательства, несчастного Омегу, как правило, успевали принудительно метить.

А помеченный Омега под воздействием доминантных феромонов терял всякую возможность сопротивляться или доносить на своего Альфу. Страшный гнет феромонов лишал его даже права на защиту.

Кроме того, добрачная связь считалась несмываемым позором.

В обществе Омеги воплощали собой чистоту, кротость и невинность...

Подобная трагедия оставляла неизгладимое клеймо на всей их жизни, пусть даже они являлись жертвами.

Даже если удавалось добиться правосудия и упечь преступника за решетку, помеченный Омега был обязан пройти через мучительную операцию по выжиганию метки — процедуру, уносившую половину жизни.

Дальнейшая судьба таких людей выглядела беспросветно: их либо распределяли к Альфам с низким рангом, способным получить пару только таким образом, либо они доживали свой век в нищете и презрении.

Поэтому в большинстве случаев пострадавшим приходилось молча проглатывать обиду и связывать жизнь с человеком, искалечившим их судьбу.

Лишь единицы, сжав зубы и глуша боль подавителями, шли в суд. Но если у семьи Альфы водились деньги и влияние, истцы просто бесследно исчезали.

Но этот идиотина Цзян Хэн сам поднял шум, собрал кучу свидетелей и во всеуслышание признался в намерении одурманить Омегу. Теперь даже если его родители занимали генеральские посты, замять дело законным путем было невозможно.

Он собственными руками подписал себе приговор.

— Что же касается вас, господа... — Ши И повернулся к остальным Альфам, и в его голосе прозвучало искреннее сожаление: — Прежде всего, я хочу принести глубочайшие извинения. Находясь под действием стимулятора, я потерял контроль над собой и, защищаясь, причинил вам вред. К счастью, вы оказались отличными бойцами, и худшего удалось избежать.

— Я полностью возмещу все расходы на ваше лечение и реабилитацию. Еще раз прошу прощения за случившееся.

Ши И говорил тихо и сдержанно. Он и без того обладал яркой, завораживающей внешностью, а после дифференциации в Омегу в нем появилось нечто обманчиво-хрупкое.

Когда столь прекрасный Омега склонил голову с извинениями, Альфы густо покраснели. В конце концов, они тоже пострадали от обстоятельств: уловив запах феромонов во время течки, любой из них терял разум, так что виноваты были они сами.

А что касается того, как именно Ши И удалось так отделать их всех...

Они предпочли списать это на то, что сами находились в полубессознательном состоянии, а Ши И был накачан мощным стимулятором, кратно повышающим выносливость и глушащим боль. В смертельной опасности любой станет зверем.

К тому же Ши И никогда не был обычным Омегой — он же учился на факультете мехов! Его показатели изначально находились на высоте.

Успокоив себя этими доводами, они предпочли не вдаваться в детали. Все-таки ситуацией гордиться не приходилось: оказаться в медицинских капсулах после драки с единственным Омегой — позор на всю жизнь. Им хотелось лишь одного: поскорее убраться отсюда и навсегда забыть, как Цзян Хэн пытался втянуть их в травлю.

Вопрос о виновности и компенсациях был закрыт.

В этот момент Цзян Хэн в приступе ярости попытался броситься на Ши И, но его тут же скрутила и увела охрана академии.

Незаконное использование препаратов плюс нападение на Омегу — букет статей тянул на высшую меру. Охрана даже не стала связываться с его родителями, отправив задержанного прямиком в изолятор.

Его ждало публичное исключение из академии и трибунал.

Несмотря на благополучный исход, тугая струна внутри Ши И так и не разжалась.

Он знал, что семья Цзян Хэна обладала немалой властью и влиянием, иначе тот не смог бы безнаказанно собирать вокруг себя свору и бесчинствовать в академии.

Подобные родители не могли вырастить иного сына, и они заведомо не стали бы спускать дело на тормозах. Ши И был готов к угрозам, давлению и шантажу.

Однако с момента ареста Цзян Хэна они так и не объявились, словно отреклись от собственного отпрыска.

Даже вспышку агрессии Ши И руководство академии списало на сбой подавителя, полностью выведя его из-под удара.

Все сложилось именно так, как он рассчитывал, — даже слишком гладко и естественно. И именно эта безупречность внушала Ши И смутную тревогу.

Казалось, за его спиной стоял некто невидимый, дергавший за ниточки и направлявший события в нужное русло.

Но сколько бы он ни размышлял, ответа у него не было.

<http://bllate.org/book/20113/1993475>